

18+

АНТОЛОГИЯ МИКРОРАССКАЗОВ УЖАСОВ

ЧАСТИЦЫ ТРАКА

300 ХОРРОР-ДРАБЛОВ

РЕДАКТОРЫ

ОЛЕГ ХАСАНОВ

ДМИТРИЙ ПЕРЕДОНОВ

ДАРЬЯ СТРАННИК

Олег Хасанов
Частицы мрака.
300 хоррор-драбблов

<https://litres.ru/74275018>

ISBN 9785007044530

Аннотация

«Частицы мрака» — это 300 хоррор-драбблов от 55 авторов русского хоррора. Короткие, как удар ножа, истории о монстрах из-под кровати, жутких соседях, роковых ошибках и древнем зле, что живёт за зеркалом. Открой книгу — и тьма выйдет на охоту. Закрыть будет уже невозможно.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Анна Георгиева	10
Ольга Пермская	11
Ярослав Землянухин	12
Олег Басенко	13
Мария Шестакова	14
Катерина Тернистая	15
Григорий Родственников	16
Alicija Kotti	17
Rein Deilerd	18
Дмитрий Передонов	19
Анастасия Рейфшнейдер	20
Кассандра Тарасова	21
Олег Хасанов	22
Лена Шудер	23
Инна Айрапетова	24
Антон Филипович	25
Маня Харисх	26
Мария Бондарева	27
Николай Троянцев	28
Сима Эннаги	29
Анастасия Стеклова	30
Юрий Гроу	31

Валерия Кошкина	32
Лана Попова	33
Алексей Суязов	34
Дарья Странник	35
Наталья Хмарица	36
Северный Леший	37
Екатерина Бакличер	38
Инна Даянова	39
Вячеслав Котов	40
Ольга Пермская	41
Лариса Потолицына	42
Никита Томилов	43
Виталина Устинова	44
Ленсанна	45
Олег Хасанов	46
Alicija Kotti	47
Анна Георгиева	48
Сириан Дрейк	49
Олег Басенко	50
Марина Румянцева	51
Никита Томилов	52
Григорий Родственников	53
Анастасия Рейфшнейдер	54
Дмитрий Передонов	55
Мурик Нальчиков	56
Валерия Кошкина	57

Ярослав Землянухин	58
Михаил Загирняк	59
Alicija Kotti	61
Антон Александров	62
Евгений Аликин	63
Анна Георгиева	64
Иван Густов	65
Сима Эннаги	66
Олег Волынский	67
Глеб Габбазов	68
Ленсанна	69
Олег Хасанов	70
Джеффри Александер Мартин	71
Хельга Соул	72
Элиас Отис	73
Андрей Лоскутов	74
Маня Харисх	75
Роман Башаев	76
Глеб Габбазов	77
Лена Шудер	78
Григорий Родственников	79
Иван Лиштван	80
Alicija Kotti	81
Олег Хасанов	82
Григорий Родственников	83
Лариса Потолицына	84

Дмитрий Передонов	85
Роман Дремичев	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Частицы мрака

300 хоррор-драбблов

Составитель Олег Хасанов

Редактор Олег Хасанов

Редактор Дмитрий Передонов

Редактор Дарья Странник

Дизайнер обложки Пётр Гринёв

© Олег Хасанов, составитель, 2026

© Пётр Гринёв, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4453-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Частицы мрака. 300 хоррор-драбблов

© 2026

Все права защищены. Только для частного использования. Коммерческое и некоммерческое воспроизведение (копирование, тиражирование, распространение, сдача в прокат, переработка, использование идей и персонажей, публичное исполнение, передача в эфир, сообщение для всеобщего сведения по кабелю, доведение до всеобщего сведения в сети Интернет) без разрешения правообладателя запрещены.

© Авторы, текст, 2026

© Олег Хасанов, составление, 2026

© Пётр Гринёв, обложка, 2026

© Издательство «Хоррорскоп-Пресс», 2026

Компьютерная вёрстка *Олег Хасанов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ты внезапно просыпаешься. Часы показывают 3:00. Час ведьмы. В полу твоей спальни образовалась лестница, ведущая далеко вниз.

Не спускайся вниз!

Но ты не прислушиваешься к своему внутреннему голосу и спускаешься.

Деревянные ступени скрипят. Спину сводит от холода. Через несколько часов твой смартфон разряжается, и тебя окутывает крошечная тьма. Но ты всё равно идёшь дальше. Наощупь.

Внизу появляется тусклое свечение. Это фиолетовый туман. Холодный и беззвучный. Туман медленно ползёт вверх по лестнице, навстречу тебе. Ты замираешь. Но выбора нет. Сзади — лишь непроглядная темнота. Ты продолжаешь бесконечный спуск.

Туман клубится, образуя слова кроваво-красного цвета: «СОБЕРИ ВСЕ ЧАСТИЦЫ МРАКА, И ТЫ НАЙДЁШЬ ВЫХОД».

Анна Георгиева

ДОРОГА В ВЕЧНОСТЬ

Василий летел над бездной, где кишели кровожадные твари — змеились длинными гибкими шеями, увенчанными оскаленными огнедышащими пастьями с раздвоенными языками. Твари плотоядно тянулись к Василию, а достигнув, рвали его плоть...

Василий плыл через подводные глубины. Огромный морской змей с лошадиной головой зловещим лиловым глазом следил за ним, многозубой пастью-воронкой терзал мужчину, пожирая его внутренности...

Василий пересекал пустыню, где чудовищные безголовые черви жалили его щетинами-иглами; полз через горы, где серые тени зловещих странников пытали его; вечный лес драл его кожу когтистыми лапами... Хтонический ужас владел Василием! Его поглотила чёрная дыра космоса...

«Опознание прошло успешно, это Василий». Патологоанатом завершил работу с жертвой ДТП.

Ольга Пермская

ЧАСТИЦЫ МРАКА

Плотные тени тянутся за тобой по коридору, шепча и шурша по стенам, полу, потолку. Яркий луч фонарика, как последний знак чего-то тёплого и знакомого, вырывает из мрака тонкие полосы света, но в них уже кишат чёрные точки — сотни, тысячи, всё ближе.

Не зная, куда деваться, ты забиваешься в угол, дрожащей рукой направляешь свет, он мечется из стороны в сторону. Внезапно фонарик трещит, тускнеет, мигает и почти гаснет. Наступает темнота — и в ней тихое липкое движение.

— Да сколько вас?! — всхлипываешь ты, ощущая, как частицы скапливаются по углам глаз, между пальцами, лезут в рот.

— Много... — раздаётся шёпот.

Фонарик мигает в последний раз.

Ярослав Землянухин

ВЗРОСЛЫЕ

В дверь ломились. Зоя с ужасом прижимала к себе грудничка.

Где же взрослые? В сыром подполе были только она с новорождённым братом, древняя бабка и одноногий солдат без сознания. Вот и всё.

Тяжёлые сапоги гулко ломали дверные доски, скрипел засов, трещали петли. Никто не поможет. Значит, ей, Зое, предстоит стать взрослой. Она должна пробудить в себе взрослость, которой учил отец.

Прижимая ребёнка к груди одной рукой, другой она упёрлась в земляной пол. Заглянула в себя — в память предков. Прорезались клыки, отточенные когти взрыли землю.

В момент, когда дверь слетела с петель и ворвались немецкие солдаты, она зарычала. Взрослые были здесь.

Олег Басенко

ГРЕХ

Очнулись они почти одновременно. Их тела слились в неестественном, мучительном сплетении. Кругом была тьма. Каждый вдох давался с трудом. Странное укачивание вызывало тошноту и панику. Она тихо бормотала что-то бессвязное. Он чувствовал, как её тело дрожит, и это усиливало его страх. На берегу стоял мужчина, его взгляд был прикован к бочке, что покачивалась на волнах.

«Ярость мужа не пощадит в день мщения. Да будут преданы смерти прелюбодей и прелюбодейка».

В темноте, в тишине, в этой железной утробе они растворились друг в друге. Он наказал их за измену, а море унесло тела и грехи.

Мужчина повернулся и медленно побрёл к дому.

Мария Шестакова

ШУМ ПРИБОЯ

Мы сидели на берегу моря и наслаждались пурпурным закатом. Я крепко держал Настю за руку. Долгожданный отдых с лучшей девушкой на свете. Я проверил в кармане коробочку с кольцом. Сейчас самое время.

На запястье упал пожелтевший кленовый лист. Откуда он здесь взялся? За ним ещё один и ещё.

Настя лежала в куче осенней листвы. Я душил её и хрипел. Не нужна тебе моя Анапа? Поедешь с боссом в Таиланд? Меркантильная тварь. Ненавижу. Ненавижу тебя! Теперь ты точно отдохнёшь.

Руки сводило, но я не мог остановиться. Настя перестала дышать.

Шум прибоя прервал стук. Я открыл глаза. В камере снова было темно.

Катерина Тернистая

АНИМАТОР

Работа аниматором всегда привлекала Виолетту. Она с удовольствием надевала огромный пушистый костюм медведя и шла развлекать детей.

С недавних пор у неё появился напарник в костюме панды. Только вот дети его как будто побаивались: отходили в сторону, не пытались обнять и сфотографироваться. Некоторые начинали надрывно плакать.

Виолетта почти никогда не видела лица своего напарника, он всегда приходил и уходил раньше неё. Они никогда не разговаривали.

Однажды Виолетта закончила раньше обычного. Зрени-ем она уловила уходящего напарника и поспешила за ним. Он снимал маску... То, что Виолетта увидела, повергло её в ужас. У напарника было два лица! И второе располагалось на затылке.

Григорий Родственников

ОСТАНОВКА «КЛАДБИЩЕ»

Работаю ночным сторожем и добираюсь на службу на последнем трамвае. Ровно в полночь в вагон заходит девушка в белом плаще и садится позади меня. Шуршит целлофановым пакетом и громко чавкает. Это ужасно раздражает. К счастью, она выходит на остановке «Кладбище».

Однажды хотел обернуться и сделать ей замечание. Но услышал её приглушённый шёпот: «Обернёшься — умрёшь».

И я не обернулся, потому что ощутил глубинный животный ужас.

Но постоянно бояться — унижительно. Она опять сидит за моей спиной и что-то ест...

— Мне это надоело, — громко воскликнул я, поворачиваясь.

— Это твой выбор, — сказала она. — Пойдём.

Я не спорил, потому что внезапно осознал, что я умер.

Alicija Kotti

МЕЛОМАНКА

Пожилой антиквар протянул своей постоянной клиентке Рите пластинку неизвестного композитора.

— Послушайте. Это нечто необычайное!

Дома меломанка поставила загадочный диск в проигрыватель и опустила иглу. Комнату наполнила странная мелодия. Низкие пульсирующие басы, напоминающие биение гигантского больного сердца, переплелись с пронзительно визжащими высокими нотами, будто криками существ из мрачной бездны. Жуткие вибрации заставили тело Риты дрожать. Мир вокруг плыл и искажался, невыносимые звуки давили, вызывая мучительное головокружение. Рита оцепенела. Внезапно её барабанные перепонки лопнули с оглушительным треском, кровь хлынула из ушей, заливая белый свитер...

Всё замерло.

Единственное, что нарушало тишину — жалобный скрип иглы, царапающей поверхность остановившейся пластинки.

Она ждала своего следующего слушателя.

Rein Deilerd

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

«Ничего страшного, я как-нибудь справлюсь снаружи... Если и умру, то не беда... Главное, что мои дети будут здесь в безопасности», — обречённо подумала я, когда холодный металл сомкнул свою мёртвую хватку на моём теле и потянул меня назад, к свету, прочь от моих дорогих малышей. Я ничего не могла сделать — оставалось лишь принять свою судьбу и отдаться на её милость.

— Поверить не могу... Ни разу ещё не видел, чтобы паук такого размера поместился у кого-то в ухе. Вам очень повезло, что мы его вообще достали, — прогремел надо мной голос человека в белом халате, когда тот вытащил меня из моего укромного жилища.

Дмитрий Передонов

ЗЛОЙ МАЛЬЧИК

— Сейчас же собери с пола игрушки и разложи по местам! Я не служанка, чтобы убирать за каждым! Понял?

— Понял, — угрюмо отвечает мальчик.

Как же достала мама со своим «порядком в доме»! Как же хочется распинать всё по углам — так, чтобы грохот стоял и осколки летели! Но мальчик оглядывается на дверь — и, стиснув зубы, идёт к балкону, прямо по игрушкам. С наслаждением раздавливает хрупкий пластиковый паровозик...

На балконе мальчик сверлит взглядом дребезжащий трамвай, который приближается к остановке. Губы что-то беззвучно шепчут. Взрыв, вой автосигнализации, клубы чёрного дыма, крики женщин...

Черты лица мальчика разглаживаются. Минуту спустя он уже спокойно возится с игрушками.

Анастасия Рейфшнейдер

БРАТ

Анна проснулась. В окно бил призрачный голубоватый свет луны, оставляя на стенах замысловатые тени.

Ночь не успокаивала её, а давила гнетущей тяжестью, заставляя дрожать под тёплым одеялом.

Мгновения сна сменялись часами ожидания неизбежного... Скомканная грязная рубашка, спрятанная под кроватью, напоминала ей об отвратительном увлечении брата.

Послышался шорох, в чёрном проёме двери появилась высокая фигура.

— Не надо... — прошептала Анна, отчаявшись.

Она отшатнулась от отвратительного запаха псины. Брат зарычал, в свете луны показались острые клыки и пушистые уши. Окончательное обращение... Тишину прервал вопль и хруст костей. Последняя промелькнувшая мысль умирающей Анны была о том, как же она ошиблась, посчитав его просто квадробером...

Кассандра Тарасова

КРИВОЛЕСЬЕ

Малаша знала, что это место гиблое. Искривлённые стволы берёз изгибались под разными углами, скручивались в дуги и петли.

Сюда приходят ведьмы, чтобы из веток сделать себе мётлы и пройти тайный ритуал посвящения. Если деревья решат, что ты достойна, то наделят тебя колдовской силой.

Малаша знала, что нужно делать. Девушка разделась догола, выпила варево из крынки и подошла к дереву, стоящему посередине поляны. Она начала проползать через круг, образованный стволом берёзы. Изнутри кора была колючей и кусалась.

Ночью на поляну слетелись другие ведьмы.

— Недостойна, — сказали они, увидев на траве освежёванный труп Малаши.

А окровавленная кожа ещё висела на довольно причмокивающей берёзе.

Олег Хасанов

САНСАРА

Карма не пустила меня в нирвану, и я снова уютно плаваю в тёплых околоплодных водах. Но ничего страшного. Очень скоро мне предстоит родиться снова. Я всегда любил земную жизнь и буду счастлив, если проживу ещё одну.

Рядом со мной что-то шевельнулось. Что-то живое. Братик или сестрёнка. Хорошо. В новой жизни мне не будет так одиноко. Что-то снова пошевелилось. Ещё ближе. Что-то — или кто-то — робко ко мне прижалось. Я с нежностью повернулся, и несколько десятков зубов — острых, как шило — пронзили мою плоть и начали с остервенением рвать её и терзать.

Я раскрыл пасть в безмолвном крике.

Мои голодные братья-акулята хотели жрать.

Лена Шудер

КАМАЗОТЦ

Утро выдалось промозглым. Дождь загнал Лину в трейлер на весь день. Остановиться в лесной полосе, где за посадками меркли огни поселения, лучше, чем застрять на пустынной дороге.

Пока капли царапали стёкла, Лина успела изучить большую часть дневника. Племя майя, ритуалы, летучие мыши — бабушка многое скрывала!

Увлёкшись легендами, не заметила, как сгустились сумерки. Она перевернула страницу и наткнулась на «закладку» — чёрное перо.

Свет замерцал.

Тень в углу уплотнилась, задышала. Усмехнувшись воображению, Лина повернулась спиной. Она не верила в потустороннее.

Кожаные крылья чёрным саваном укрыли трейлер, в черноте распахнулись кровавые глаза. Сегодня погас последний рассвет. Дальше только тьма, боль и вечный ужас!

Инна Айрапетова

ГЕРОИНЯ ВЕЧЕРА

Дело было в мае, двадцать второго числа. В пещере недалеко от кладбища собрались люди.

— Новенькая? — спросил Демон, заметив незнакомую девушку.

— Да, — ответила она. — На могилу к бывшему зашла — и вот... Увидела, идут сюда. Любопытно стало.

— Могила? Могила — это хорошо, — улыбнулась Кобра. — А как зовут тебя?

— Элла, — произнесла девушка и облегчённо вздохнула: пещерная прохлада казалась прекрасной после палящего солнца, что мучило Эллу наряду с чёрным платьем.

— Новенькие должны совершить жертвоприношение, — сказал Демон. — А во Всемирный день готов мы выбираем Героя вечера.

— Уже совершила. Только что я несла цветы покойному возлюбленному.

Званием Героя в тот вечер наградили Эллу. За специфическое чувство юмора.

Антон Филипович

СНЫ НАЯВУ

По залитым кровью ступеням. Вниз. В глубины. Иду я смиренно сквозь Хаос. В пристанище чудищ загробных. И вижу картины немислимые: гигантских червей в тёмных водах, скелетов с обломами крыльев, мёртвых детей хоровады...

Но вот уж у трона я. Падаю ниц пред тварью гниющей с короной.

— Душу за душу, — шепчу. — Отпусти.

Ухмыляется демон. Пальцами щёлкает — и появляется дева.

Любимая. Солнце моё...

Я руку в грудь себе помещаю и, сердце сжав, с криком его вырываю.

Доволен владыка подземный. Щелчок — и, роняя слезу, возносится дева.

Тьма.

Глаза открываю. Лишь сон.

Но сон ли?

Ведь руки в крови.

И сердца стук боле не слышен.

Маня Харисх

МЯСОРУБКА

Нас в мясорубке держит Оно. Крутит ручку, спрашивает:

— Что вам ценнее всего?

— Ты! — отвечаем хором.

— Я! — с ухмылкой кивает Оно.

Ручка скрипит и вращается. Нас тянет внутрь.

Кто-то уже обратился в месиво, кто-то скулит от хруста собственных рук и ног, кто-то повторяет:

— Ты всё, что у нас есть, золотое наше Время!

Дед учил дорожить Временем. И отец учил. Обоих Оно

— Время — перемололо у меня на глазах. Оба до последних своих позвонков восхищались им.

Смотрю на мясорубку Времени, на её стрелки, что крутятся по часовой, как ручка всякой машины смерти.

— Тик-тик-тик, — сухо шепчет мясорубка.

С каждым кругом я превращаюсь в фарш.

Мария Бондарева

ПАНОПТИКУМ

Я всегда заходил в галереи под закрытие. Делал вид, что заинтересован бездарно-дорогой мазнёй, притворно ахал рядом с какой-нибудь уродливой инсталляцией. Производил впечатление. Камеры слепли, дамы стонали в экстазе, сигнализации молчали, деньги от продажи краденого тихо оседали на банковских счетах.

Я сменил полсотни имён и повидал множество экспозиций, пока не встретил её. Она была из тех хорошеньких галеристочек, что призваны во всём угождать толстосумам. Алебастровая кожа, изящество античной статуи... и хватка каменного исполина.

Смелые мазки на холсте из прессованной плоти, аутентичная костяная рама. Рядом — анатомические экспонаты, причудливые пластины, застывшие в формалине эмоции.

Мы с нетерпением ждём посетителей. Добро пожаловать в паноптикум!

Николай Троянцев

СПЯЩАЯ ЯПОНКА

В художественной галерее было скучновато... пока не настала очередь последней картины — портрета молоденькой миловидной японки, причём не позировавшей сидя или стоя, а лежавшей — трава на заднем фоне не давала соврать. Как и примявшие её волосы.

Закрытые глаза, идеальная симметрия лица; чудом поместившиеся на полотне при таком ракурсе плечи, белое, как питерские ночи, кимоно...

Стоп! Белизну последнего портил еле заметный верхний край алого пятнышка над грудью. Кровь? Оставалось только вспомнить, что белый цвет в японской культуре символизирует смерть. Да и абсолютно симметричными лица бывают только у покойников.

В биографии художника говорилось, что он успел пожить в Японии, но внезапно уехал. Навсегда.

Сима Эннаги

СИАМСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

В заброшенном доме жили сиамские близнецы, брат и сестра. На двоих у них было одно сердце, три ноги, и две головы. За ними присматривала няня Галина.

В доме появился любовник Галины, скотник Иван. Близнецы часто говорили о нём. Сестра мечтала, что Иван полюбит её, и они будут целоваться, как в кино. А брат мечтал о том, что Иван станет ему другом, и они вместе будут ходить на рыбалку. Сестре его мечты не нравились.

«Я не отдам Ивана никому!» — решила она и ночью задушила брата и засмеялась.

Счастье так близко! Когда остановилось сердце на двоих, угас свет и в её глазах.

Анастасия Стеклова

СЦЕНИЧЕСКИЙ МАКИЯЖ

Чёрная подводка, пудра, алая помада и глиттер — лицо артистки должно сиять! Здесь, на сцене, надо дарить людям веселье и счастье! На сцене ты смеёшься, прыгаешь, шутишь и улыбаешься так, что углы рта почти касаются ушей.

И совсем неважно, что творится за кулисами, а тем более за пределами помещений, где ты выступаешь. Никто вообще не знает, сколько усилий ты тратишь, чтобы улыбаться.

В ободранной съёмной квартире в полумраке у разбитого зеркала над раковиной ты смываешь макияж.

Подводка никак не исчезает.

Раздражённо проводишь пальцами по векам.

На руках — тёмные выделения...

Ты с ужасом видишь, что это чёрная слизь вытекает из твоих глаз.

Юрий Гроу

ДВОЙНИК

Оставляя мокрые следы на полу, Сергей вышел из душа, что-то неразборчиво напевая себе под нос.

По пути в спальню он немного задержался в коридоре и заглянул в квадратное зеркало, в массивной деревянной раме, висевшее на стене над декоративной тумбочкой.

Немного постояв, Сергей поправил свою причёску ловким движением руки и весело подмигнул своему отражению, а после, щёлкнув выключателем, потушил свет в коридоре и неспешным шагом направился в спальню, чтобы наконец-то очутиться в бескрайнем царстве сна.

Но уходя, он не заметил, что его отражение по-прежнему стояло в зеркале и, скривив губы, зловеще улыбалось во весь рот, обнажив ряд острых, как иглы, зубов.

Валерия Кошкина

ДЕВОЧКА В ТЕМНОТЕ

Он шёл по ночной улице. Вокруг было тихо, и только ветер шелестел в листве деревьев; только месяц из-за туч освещал город, как большой бледный прожектор. Вдруг впереди мужчина увидел маленькую девочку в светлом платье. В руке она держала плюшевого мишку. Похоже, что она плакала.

— Привет, ты заблудилась? Не бойся меня. — Он подошёл и положил руку ей на плечо.

Девочка повернулась к нему.

— *А Я НЕ БОЮСЬ!* — сказала она утробным голосом, и в расплывшейся широкой улыбке сверкнули белизной десятки острых клыков.

Отчаянный крик разорвал ночную тишину и вскоре затих. Девочка же, сыто улыбаясь, ушла в темноту улиц. Её рука сжимала плюшевого мишку.

Лана Попова

ПЛАЧ

Плач. Он бился о грубые стены коридора, распадаясь на сотни маленьких пищущих звуков, заставлявших заткнуть уши сильнее. С тех пор как она здесь, женщина вынуждена играть в игру: заснуть до того как протяжный плач заполнит собой здание.

Этот вой слышала только она. И женщина понимала, почему.

Подушка твёрдая, холодная настолько, что казалось будто её специально подержали в холодильнике.

Всё лишь бы не привыкла, не ощутила ни толики тепла и комфорта. Казалось бы, после двенадцатичасовой смены в швейном цеху она должна была отрубиться сразу, но не смогла.

Рука с мозолистыми кончиками пальцев зажимает ей рот:
— Знаешь, что здесь бывает с детоубийцами?

Алексей Суязов

ЕСТЬ?! КАК СКАЗАТЬ...

Очередная жертва поймана.

Джек подвесил её на крюк в заброшенном тёмном амбаре и отлучился по делам. Вернувшись уже следующей ночью, был немало удивлён: она всё ещё жива.

Радуюсь такому приятному событию, Джек принялся раскачивать свою игрушку прямо в полумраке — так было красивее!

— Как ты думаешь, есть ли жизнь после смерти? — внезапно спросило висящее тело.

— Скоро узнаешь, — рассмеялся Джек и продолжил толкать импровизированный маятник.

— Ты узнаешь это намного раньше. — В глазах жертвы красным полыхнул дьявольский огонь.

Зажёгши масляный фонарь, Джек увидел гигантский склизкий ком, пустивший щупальца в плоть умирающего. Тело спрыгнуло с крюка и, словно ведомое нитями куклового, бросилось к Джеку.

Дарья Странник

ГРОЗА

После вспышки проходит пять секунд, потом гремит гром.

— Мама!

Ожидаемо.

«Скорость страха быстрее скорости звука», — отмечаю я.

— Дим, всего лишь гроза.

— Страшно!

— Мама!

Отлично: теперь проснулась и Катя. Быстрые шлепки бо-
сых ног, хихиканье, и дочь прижимается к моей спине.

— Эй!

Топот Димки громче второго раската грома.

Приходится несколько раз строго шикнуть, прежде чем
возня и хихиканье за спиной переходят в сопение.

Раскат грома.

Быстрые шаги. Напрягаюсь. Кто-то подбегает к кровати.
Тяжёлый тёмный клубок вжимается в нишу между моими
согнутыми коленями и животом. Через одеяло чувствуется
дрожь.

Дома нас всего трое. Но этот кто-то тоже боится грозы.
Мы лежим, объединённые страхом.

Наталья Хмарица

ПРАВИЛА СТАРОГО ДОМА

Заселяясь в дом, я нашёл странный список под входной дверью: «Не отвечай на стук после двух ночи. Если в окне видишь лицо — улыбнись и задёрни штору. Красный кран — только для гостей».

Мне казалось это забавным, пока в 2:10 не постучали. Звук был везде и нигде одновременно. Я молчал. Стук повторился и стал более отчётливым. Я вскочил, распахнул штору и увидел за окном бледное лицо. Я забыл улыбнуться. Лицо тут же прижалось к стеклу, и сухие пальцы, похожие на ветки дерева, зацарапали по раме.

Я помнил Правило 3. Бросился на кухню открывать красный кран, но тут услышал за спиной звон осколков.

Северный Леший ОДИНОЧЕСТВО

Сегодня у меня магазинный день. Следую привычным маршрутом. Сперва продуктовый: консервы, крупы, макарошки, быстросупы. Вода только в пластике, но что уж теперь. Дальше магазин электроники: батарейки, пауэрбанк на замену, кое-какие детали. Потом на автозаправку: полный бак и пара канистр.

Теперь можно в радиоцентр. Привычно осматриваю аппаратуру, слушаю в приёмнике, звучит ли мой голос. Записываю новый ролик для эфира. Спускаюсь в техническое помещение, проверяю генератор, доливаю топливо.

Электричества нет уже полгода. Водоснабжение прекратилось. На мои призывы по радио никто не отвечает. Мёртвые тела гниют в закрытых квартирах.

Раньше я очень любил одиночество. Теперь же...

Зачем я выжил после взрыва «грязной» бомбы?

Екатерина Бакличер

РЫЧАНИЕ БАБАЯ

Папа всегда говорил, что монстров нет. Я ему не верил. Я-то каждую ночь слышал чьё-то рычание. Тихое. Из-под кровати.

Монстры существовали. Они прятались. Наблюдали.

Вот как-то я забыл убрать игрушки. Ночью проснулся от шума. Что-то шерстяное шевелилось на ковре. Грызло конструктор. Я спрятался под одеяло. Зажмурился. Сердце стучало так громко, что «шерстяное» могло его услышать.

Оно и услышало. Залезло на кровать. Ждало. Рычало. Когтями царапало стену. Я трясся. Уснул каким-то чудом.

Утром при свете солнца я увидел чёрные вонючие волосы на одеяле и густые слюни. Я побежал к папе. Увидел беспорядок. Царапины.

Папа нашёлся под кроватью. А точнее, его половина.

Инна Даянова

ОН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Наконец-то полная тишина. Я сползла по стенке. Так тихо не было уже несколько лет.

Шум подъезжающего автомобиля. Стук шагов, скрип двери. Моё проклятие. Он всегда возвращался.

Скрип зубов. Пощёчина. Свист ремня. Его тяжёлое дыхание. Удар, удар, злобный смех.

«Здравствуй, милая». Грубый голос. Пощёчина. Свист ремня. Дыхание.

А сегодня... Мой крик. Звон разбившейся вазы. Что-то тяжёлое под рукой. Свист. Удар. Хруст. Грохот упавшего тела. Последний стон.

Кровь на руках. Тишина. Долгожданная свобода. Хочется жить.

Шум подъезжающего автомобиля. Стук шагов. Скрип двери.

Нет, он там, внизу, в луже крови и обломках вазы! Я спаслась!

Но он всегда возвращается. Моё проклятие.

«Здравствуй, милая».

Вячеслав Котов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Радостные крики резвящихся деток, голоса взрослых, хлопки петард, музыка из динамиков, треск огня в мангале и плеск воды в бассейне... Праздничные звуки десятого дня рождения моего сына, сливавшиеся в единый гул, на пару секунд затихли, когда я запер за собой дверь уборной.

А когда вышел, по хребту поползло тревожное ощущение чего-то иррационального. Лишь пару шагов спустя моя неосязаемая тревога начала обретать логическое обоснование. Тишина, укутавшая меня в уборной, никуда не делась. Наоборот, стала ещё «гуще», начав отдаваться в ушах звоном.

Понимая, что произошло, но отказываясь в это верить, я бегом преодолел последние метры и обомлел. За домом никого не было.

Ольга Пермская

ЗАПАХ СОЛИ

В пустой библиотеке пахло морем. Стёкла пропускали свет уличного фонаря, а сторож дремал за столом. Никто не заметил, как в читальный зал, проводя сырой ладонью по стене, вошёл мальчик.

Он прошёл между книжными полками, оставляя за собой россыпь влажного песка и следы босых ног. Склонился к журналу регистрации, морщась от соли на губах.

— А здесь был Алексей Сергеевич? — спросил он дежурную.

— Уже нет, мальчик...

Слёзы, тёплые и солёные, покатались по щекам мальчика. Он молча развернулся и пошёл прочь. На полу осталась мокрая дорожка. Дверь за ним хлопнула, и в тишине вдруг послышался отдалённый шум прибоя.

— Тишина в библиотеке! — рявкнула дежурная.

Лариса Потолицына

МОНСТР

Я мечусь по тёмным переулкам спящего города, как мечутся под черепной коробкой мысли о моей возлюбленной Лидии. В предутреннем тумане и свете газовых фонарей мне чудится её облик. Она убита Монстром. Иссущена, выпита, обескровлена. Он предлагал ей провести с ним вечность, но ей не нужна вечность без солнца!

Небо бледнеет, и в голове зреет мысль: я убью Монстра. Он будет корчиться в рассветных лучах, прикованный к фонарному столбу, исходя едким дымом и щеря клыки, а с восходом осыплется пеплом под ноги зевак.

Жаль, перед тем как убить, я не смогу заглянуть в его глаза. Ведь я не отражаюсь в зеркалах.

Никита Томилов ПО ТУ СТОРОНУ РАДИОПРИЁМНИКА

Радиосообщения с шаттла «Альянс»:

1160: На планете НВ-204 найдена органика, напоминающая мох. Образцы взяты на корабль.

1167: «Мох» быстро растёт. Для него выделен отдельный отсек.

1171: На поверхности «мха» выросли шарообразные отростки.

1172: Отростки раскрылись — отсек заполнился газом. Джеральд, находившийся в помещении, спешно его законсервировал. По словам Джеральда, запах был невыносим.

1182: Поведение Джеральда изменилось — он перестал разговаривать.

1186: Джеральд включил вентиляцию в отсеке со «мхом» — газ распространился по всему кораблю. Команда обезумела. Я забаррикадировался в рубке. Они пытаются выломать дверь. Срочно пришлите помощь.

1187: Просьба игнорировать последнее сообщение. Это был розыгрыш, но виновник уже наказан. Возвращаемся на Землю. Ждите.

Виталина Устинова

БЕФСТРОГАНОВ

Наша Лаки — лучшая крысоловка. На её котят очереди выстраиваются.

Иду в сарай проверить мамашку и новорождённых. Слышу истошные вопли кошки. Бегу, распахиваю дверь.

Мохнатая коричневая тварь пожирает котят. Вот схватила последнего, беленького. Котёнок пищит.

Отправлен в пасть целиком.

Хрустит на зубах чудища, как чипсы. Ору громче Лаки.

Тварь таращится, шевеля унылым хоботом. Нашаривает кошку.

Хватаю топор... Р-раз!

— Отличный бефстроганов! — отец отодвигает пустую тарелку. — Растёшь, сын!

Мать кивает. Я молчу.

Суповой набор в морозильной камере. Шкура твари спрятана в сарае, я смогу выделать её и продать.

Вот только как сказать родителям, что пришелец с Мелмака сожрал и котят, и нашу крысоловку?

Ленсанна ПОМЕРАНСКИЙ ШПИЦ

У соседей живёт мерзкий рыжий шпиц. Его тявканье не замолкает ни на минуту.

На днях я встретила эту шавку на лестничной площадке. Одну. Псина молча сидела под дверью и смотрела мне в глаза с надеждой и радостью.

— Что, паршивка, сбежала? Ладно, сейчас верну тебя твоим хозяевам.

Я потянулась к звонку.

— Хотя...

Вечером в дверь позвонили. На пороге стояла соседка, за спиной маячила заплаканная пятилетняя дочь.

— Вы сегодня случайно не видели на улице нашу собачку?

— Нет. Потерялась?

Соседка кивнула, ребёнок отчаянно заревел.

— Ой, жалко-то как! Не расстраивайтесь! Может, ещё отыщется.

У моей кровати стояли новые домашние тапочки, отороченные пушистым золотистым мехом.

Олег Хасанов

ДЫХАНИЕ ДЬЯВОЛА

Бурунданга.

Без цвета, без вкуса, без запаха. Плыёт по вентиляции, заполняет собой все терминалы огромного аэропорта, просачивается в лёгкие тысяч людей.

Уволенный авиадиспетчер произносит в микрофон последние слова в конце последнего рабочего дня:

— Убей всех.

И его шёпот проникает в сердца людей. В зале ожидания начинается немое сумасшествие: пассажиры душат друг друга, выдавливают глаза. Молодая мама со спокойной, почти нежной улыбкой обнимает маленького сына и с тихим хрустом сворачивает ему шею. Охранники, с остекленевшими взглядами, вынимают из кобуры пистолеты и начинают стрельбу.

На взлётной полосе глохнут двигатели. Самолёты падают и взрываются, сливаясь в один огненный гриб.

Весь горизонт охвачен пламенем.

Alicija Kotti

АНФЛЁРАЖ

«Они должны умирать медленно, словно во сне», — услышала Роуз и тотчас же ощутила, как её поглощает кокон из нитей и жирной субстанции.

Вспомнилось сегодняшнее солнечное утро. Нежный ветер, пьянящий аромат и красавицы-подруги, шептавшиеся рядом... Вдруг Роуз увидела огромный нож и тут же почувствовала резкую, обжигающую боль. Её тело бросили в корзину. Из раны брызнула кровь, но Роуз успела вонзить шипы в своего губителя, разорвав его плоть. Цветок не хотел умирать.

...Тягучие, ароматные капли медленно стекали в изящный флакон. Красные лепестки стали бледными и прозрачными. Парфюмер выбросил розу в яму к другим увядшим цветам. Теперь её жизнь стала сердцем новых духов.

Анна Георгиева

СОЧУВСТВУЮЩИЙ

Петрович гулял по осеннему парку. Вдруг ему послышался слабый плач. Может, ребёнок потерялся? Мужчина свернул с дорожки, пошёл на звук. Плач напоминал жалобное мяуканье или скулёж.

«Щеночек или котёночек? В любом случае нуждается в помощи».

Петрович поспешил, плутая по заросшим тропинкам. Наконец свернул в густые кусты. Споткнулся. Упал у края ямы, на дне которой лежал маленький тёмный комочек. Звук раздавался именно отсюда!

«Кто ты, малыш?» — Петрович протянул руки, пытаясь дотянуться до маленького несчастного существа. Неожиданно запястье пронзила резкая боль: в вену впились острые зубки...

На следующий день Петрович таился от солнца, а ночью отправился на свою первую охоту за кровью.

Сириан Дрейк

ДОНОР

Единственное, что я запомнил для себя от старших членов семьи, — нужно быть добрым, щедрым и всегда помогать нуждающимся при любой имеющейся возможности.

Поначалу это было не сильно сложно. Всей семьёй мы жертвовали ненужные нам вещи, одежду и игрушки в пансионаты, санатории и детские дома. Свою дозу удовольствия я вполне получал.

Время шло, росли и мои потребности помогать. Одних вещей уже было недостаточно. Так для меня открылся путь к донорству. Я множество раз жертвовал кровь, плазму. Был донором почки и печени. Вопросы ко мне стали поступать, когда я принёс ещё несколько почек.

«Какая разница, откуда они? Берите их, пока они тёпленькие!»

Олег Басенко

ЖЕРТВА

Ты — эллин, отправившийся в Тавриду на поиски славы и богатства. Шторм бросает судно на прибрежные скалы. Ты выжил, но вокруг незнакомые, дикие места. Это земли свирепых тавров. Внезапно появляются они. Их голоса низкие и гортанные, словно рычание зверей. Тебя ставят на колени перед алтарём. На нём — засохшие следы крови. Жрец поднимает топор, и судьба твоя предрешена. Удар, хруст костей. Твоё тело сбрасывают с утёса в бурлящее море, а голову прибивают к столбу. Это не просто смерть. Отныне ты — вечный страж этого проклятого места. Скоро ты увидишь, как новые головы появятся на столбах. Новые жертвы. Новые стражи. И так будет всегда.

Марина Румянцева

А ВОКРУГ МУЗЫКА СФЕР

— Засиделись мы на этой планетке. — Старик поднял голову к небу и выпустил сизое колечко дыма. — Пора нам в космос.

Над крышей разворачивалось Нечто. Чёрными щупальцами пролилось в небе.

Ширилось, ширилось. Возрастало.

Завивало спиралью рыжий металлолом. От горизонта до горизонта впитывало ржавь. Вычитало.

Крутилось дорожками звёзд в небесах.

Завинчивало по часовой стрелке: Большая Медведица, Дракон, Цефей, Кассиопея... Кабина, шпала, кочерга...

Мужик, кряхтя, поднялся, прыгнул. Шифер под ногами заскулил, прогнувшись.

Тлеющая самокрутка алым всполохом замаячила в темноте. Выпала из пальцев, приземлилась на парнишку, приоткрывшего рот. Тот не заметил, таращил безумные глаза.

Голова парнишки закрутилась, подхваченная нездешним водоворотом: куда полетел дед — вверх, вниз?

Никита Томилов

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

— Приветствую всех, кто присоединился к стриму. Вы давно просили — и вот десять часов поедания фастфуда без остановки. — Упитанная девушка на экране помахала рукой. — Если в течение первого часа мы наберём тысячу лайков, следующий стрим будет длиться пятнадцать часов. Вы готовы? Поехали!

Девушка поглощала гамбургеры неспешно. Количество лайков росло медленно: комментаторов не устраивало скудное разнообразие пищи и отсутствие удовольствия на лице стримерши. Девушка старалась изображать радость, но её стали хейтить за медлительность. Она начала есть быстрее, но это давалось ей с трудом. Живот девушки увеличился. Она продолжала есть. Живот опять увеличился и внезапно лопнул. Экран завалило внутренностями.

Количество лайков взлетело вверх.

Григорий Родственников

ИГРА В ИНДЕЙЦЕВ

В 3:14 ночи дверь с медным скрипом отворилась, и в спальню вплыла знакомая тень.

— Я вечно твоя, — прошептала она ледяными губами.

Я вздохнул, разглядывая дымный силуэт.

— Люсь, мы обсуждали. Ты призрак. Я жив. Это нездоровые отношения.

— Дурачок... Вспомни наши ролевые игры. Ты белый охотник, а я пленённая индианка...

— Люся, игры закончились, когда ты умерла.

— Нет, — прошипела она. Чёрные губы изогнулись в злобном оскале. — Я продолжаю играть. Сегодня к тебе пришла не Люся, а Волчица Прерий. Волчица не терпит соперниц. Возьми!

Хотел засмеяться, но смех застрял у меня в горле. На грудь мне упал кровавый комок волос. Скальп моей новой девушки...

Анастасия Рейфшнейдер

МОЁ ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

Как хорошо по эту сторону. Ясное голубое небо, море клевера, цветущего нежными розовыми созвездиями. Я беру свой полароид.

Щёлк!

Снимок падает в руку. Мгновение счастья...

Мой последний репортаж. Если бы не коварная метастаза, что разрушает плоть и чувство самосохранения, ни за что бы не согласился приехать.

Оборачиваюсь.

Щёлк!

Огромное сооружение пестрит красным огнём, едкий чёрный дым летит навстречу. Снуют спасатели, военные в специальных униформах. Но... Они обречены, как и я.

Я начинаю писать дрожащей рукой:

«Взрыв на атомной электростанции привёл к мощному выбросу радиоактивных частиц...»

Разворачиваю полароид на себя. Под вопли сирен наконец чувствую себя живым. Моё последнее фото.

Щёлк!

Дмитрий Передонов

ИБО АЗ ЕСМЬ ЗЛО

Стою на балконе, смотрю во двор.

Жаркий июльский вечер, людишек полным-полно. Школьница выгуливает пекинеса. В песочнице копошатся дети, на лавочке пьют пиво мамы. Подъезжает машина, выходят двое: он — высокий, мускулистый, в майке-борцовке, и она — тоже высокая, ядрёная, с бронзовыми ногами и грудью. Мужик вытаскивает из багажника две сумки с яблоками. С дачи приехали...

До меня им нет никакого дела. И никто не видит мачете, что стоит в углу балкона, дожидаясь своего часа.

Обезглавливатель.

Я залью вас лютой ненавистью, лишу веры в добро и в силу человека. Однажды я возьму мачете — и вам будет плохо, очень плохо.

Ибо аз есмь Зло.

Мурик Нальчиков

НЕ СМЕЙ!

Я украл у слепой старухи в переходе все монеты из стака-
на.

Старуха шепнула за спиной:

— Не смей! А то избавлюсь от тебя!

Я усмехнулся.

Наутро на плече вздулась родинка. Она росла, пульсировала, зудела, жгла. Скоро она стала похожа на крошечное сморщенное личико.

Дерматолог направил меня к хирургу. В ночь перед операцией я проснулся от мерзкой щекотки. Родинка шевелилась. Из неё послышался тонкий голосок:

— Не смей! А то избавлюсь от тебя!

Я усмехнулся.

Утром пришёл в клинику. Хирург в стерильных перчатках наклонился со скальпелем. Лезвие резануло — и мой мир опрокинулся.

Я тихо полетел в мусорную корзину.

Родинка улыбнулась мне сверху:

— Пока!

Валерия Кошкина

ОСТОРОЖНО: СНЕГОВИК!

Оно шло по городу. Точнее, оно медленно плыло по улицам и дворам огромной снежной массой. Три снежных кома, из которых его слепили, становились всё больше и больше, вбирая в себя весь снег с земли. Оно выросло над домами, оглядывая город внизу.

Люди бежали и прятались. Снеговик издавал звук, похожий на глухой вой. В его массе застряли машины, фонари и всякий мусор, попавшийся ему на пути.

Прямо за ним летел вертолёт.

— Огонь из тепловой пушки! — прозвучала команда пилоту.

Выстрел. Прямое попадание. Снеговик замер и начал оплывать, превращаясь в кучу подтаявшего снега. Но он был не один — со всех сторон приближались другие.

Ярослав Землянухин

ПРОСЛУШАТЬ ЗАПИСЬ?

Ирина проснулась от монотонного голоса умной колонки: «Аудиозапись завершена. Всего доступна одна запись. Хотите её прослушать?»

Было холодно, несмотря на то, что закрывала накануне окно.

Спросонья кивнула в темноту, только потом сообразила, что нужно ответить на вопрос голосового помощника вслух. Прохрипела: «Да».

«Воспроизвожу», — отозвалась колонка.

Из динамика прозвучал Иринин собственный голос, усталый и бытовой: «Они шевелятся, когда я начинаю снимать кожу. Это нормально? Или нам нужно больше соли?»

Словно обращалась к кому-то рядом.

Бил озноб из-за отсыревшего постельного белья. Тишина в комнате стала густой и тяжёлой. Ирина медленно повернула голову. Из-под одеяла на соседней половине кровати доносилось негромкое, влажное шевеление.

Михаил Загирняк

ЧИРК!

Чирк!

Загорается спичка. В подвальном сумраке расцветает огонёк.

Оторопь жертвы, облитой бензином.

И вот начинается движение.

Подмечаю, что происходит. Потом на замедленном воспроизведении рассмотрю внимательно.

Широко раскрытые глаза. Щёки краснеют, на шее выступают жилы. Верёвки натягиваются от рывка связанных рук и ног. Жертва роняет голову на грудь, громко сопит через кляп.

Спичка догорает до ногтей. Дую на огонёк. Щелчком отбрасываю остаток.

Ещё спичка.

Чирк!

Жертва вздрагивает. Но уже не так бодро. Привыкает к страху.

Чирк!

Жертва почти не реагирует на третью спичку.

Значит, пора.

Бросаю спичку в тело. Одежда вспыхивает, озаряя подвал.

Жертва мычит. Искренне.

Верю.

Эмоции не должны выгорать.

Alicija Kotti

ТРУПНАЯ ЛИЛИЯ

Старый лес, окутанный сыростью и запахом прелой листвы, хранил свои тайны. Долго я искал это мифическое существо, и вот на земле увидел чудовищный нарост, пульсирующий как огромное бледное сердце. Послышался странный утробный звук — это расцветала трупная лилия. Её красные мясистые лепестки разворачивались медленно, с отвратительным хлопанием. Обнажилась внутренность, похожая на бездонную пасть. Я замер. В центре цветка пульсировал тёмный влажный зев, источающий сладковато-гнилостный аромат. Запах усиливался, становясь невыносимым. Проникая в лёгкие и мозг, он вдруг стал осязаемым, обволакивал меня липкой паутиной, не давая пошевелиться. Я понял: эта лилия питается плотью. Человеческой плотью. И сегодня она получит очередную жертву. Мой труп.

Антон Александров

ЧЕМ БЫ ДИТЯ НИ ТЕШИЛОСЬ

Четырёхлетняя Глаша играла в песочнице в машинки, папа сидел рядом, смотрел. *В-жс-жс-жс-жс-жс!* — ехал жёлто-зелёный пластмассовый самосвал. *Р-р-р-р-р-р!* — двигался навстречу ему чёрный джип.

Бум! Глаша столкнула машинки и рассмеялась, довольная.

Через минуту с автодороги за пятиэтажкой раздались грохот столкновения, скрежет сминаемого железа, крики прохожих, сирены скорой и полиции.

Папа подхватил Глашу на руки и понёс домой. Она не плакала, как бывало раньше, успела привыкнуть к таким поворотам.

Конечно, девочке надо бы с куклами играть, но во дворе уже жили две однорукие и одноногие школьницы. Пусть уж пока машинки, водители хотя бы взрослые люди, пожили на свете, повидали что-то, успели, дай бог.

Евгений Аликин

ТЁМНЫЙ УГОЛ

Я — тёмный угол. Самый настоящий. Я расположен в закутке торгового центра. Маленький и незаметный. Возле меня не толпятся мамы с детьми, не сидят, скучковавшись, подростки. Даже курильщики давно ходят в отдельное помещение.

У меня другое предназначение.

Словно в унитаз, в меня сливают грязные секретики, переживания и злобу. Ко мне подходят поговорить по мобильному с любовницами, грубо отчитать подчинённых. Иногда приходят подростки обсудить одноклассниц.

В один прекрасный день меня осенило. Я могу использовать весь их негатив! Я внедрил сотни злых мыслей одному мужчине. Сказал, что его жена тайком гуляет от него со всеми его друзьями. Он столкнул её с четвёртого этажа.

Анна Георгиева

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА

Петрович шёл вслед за прекрасной незнакомкой. Он любовался её стройным станом, грациозной шеей, игривой копной иссиня-чёрных волос. Даму сопровождал шлейф неземного аромата; достигая трепетных ноздрей Петровича, околдовывал и пьянил — пахло лесом, прелой травой, дождём...

Петрович очарованно шагал за красавицей. Оказавшись около кладбища, не удивился. Возможно, здесь покоятся родители, или она вдова? За размышлениями Петрович потерял незнакомку из виду.

Кладбищенские деревья перешёптывались о вечном, между ними скользили тихие тени. Наконец он увидел её. Девушка сидела, вплотную наклонившись к могиле. Петрович залюбовался её скорбью...

Хрустнула ветка!

Девушка повернула лицо. На Петровича уставились безумные глаза, рот, испачканный землёй, ощерился. Прекрасная незнакомка плотоядно облизнулась...

Иван Густов В ЦВЕТАХ ПАСТЕЛЬНОГО ЗАКАТА

После смерти я попал в какое-то светлое место. Так чисто вокруг. Мой слух ласкает шум прибоя. Стою у бассейна отеля класса люкс, закат — в нежнейших пастельных цветах. На столике рядом бликами играют коктейли. Не выдержав, произношу:

— Ого, бесплатный алкоголь!

— А ты как думал? — отвечает голос, но рядом на стуле никого нет. — Ты ещё в бассейн загляни.

Из бассейна выныривают девушки, словно русалки из модного журнала, демонстрируя новую коллекцию стильных купальников.

— Самое крутое — больше ни дня на работе!

— Круто! Получается, я попал в рай?!

— Нет, это ад! Посмотри на нас — мы стулья.

Нежные лучи заката скрыл севший на меня жирный мужик.

Сима Эннаги

ВЕДЬМА

Панически боюсь стареть. Старики уродливы! Редкие волосы, морщинистое тело, беззубый рот — и запах. Отвратительный запах тела, так пахнет, скорее всего, смерть. Брр!

Чтобы не стареть, я приглашаю к себе юношей, падких до денег. Ночью, когда они засыпают, я колдую над ними — и вуаля! Утром я румяная, молодая, попиваю кофе, а в постели лежит немощный старец с запавшим ртом и вонючим телом.

— Вон! — я прогоняю его. Старое тело не понимает, что случилось.

В доме не держу зеркал.

И только на улице старик дико воет, увидев своё отражение на витрине магазина.

Я отвоевала ещё один день у старости.

Завтра жду следующую жертву!

Олег Волынский

ОТЕЛЬ НА МАЛЬДИВАХ

Снова тот же сон: белая терраса отеля на Мальдивских островах, столик, сервированный на двоих, тени пальм, безоблачное небо. И никого.

Мы уехали из этого прекрасного места, вняв штормовому предупреждению. Сейчас терраса выглядит совсем не так, да и выглядит ли вообще хоть как-то? После обрушившегося цунами, наверное, от всего отеля камня на камне не осталось. Иногда я представляю себе, как это было: грязный, всклокоченный вал воды неотвратно надвигается, крики людей тонут в шуме стихии. Эти видения пугают своей реалистичностью. Откуда они? Я никогда прежде не сталкивался с цунами.

И вот я просыпаюсь. Мягкий коралловый песок, повинуюсь течению, протекает сквозь мои рёбра.

Глеб Габбазов

Я ИДУ ИСКАТЬ

Раз... Два... Три... Четыре... Пять! Я иду искать!

Ну что же, Ванечка? Куда ты мог спрятаться? Я передвигалась по дому тяжёлыми шагами, пытаюсь найти этого лопуха. На второй этаж я подняться не смогу. Да и он, наверное, не там прячется. Уговор был.

Дом пропах сыростью и плесенью. А чего я хотела? Деревня давно заброшена, только мы с Ванечкой. Развлекаемся, как говорится, как можем.

Проверила шкаф. Никого. С трудом посмотрела под кроватью. Тоже никого, только останки Льва Ярославовича. Ну куда этот олух мог деться?

Точно! Ванечка спрятался очень укромно. И уже давно переваривается у меня в желудке. Теперь его очередь водить.

Ленсанна

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Я убегая от огромного чёрного волка. Слышу, как трещат и ломаются сучья под его массивными лапами. Я задыхаюсь, но бегу.

Этот сон снится мне уже месяц. Вчера мне приснилось, что волк настиг меня и занёс лапу для удара. Проснулась. Дыхание учащённое, сердце клокочет в горле. Страшно засыпать! Сколько дней человек может обходиться без сна? Три? Пять? Неделю? Это всего лишь сон...

Чёрная масса нависла надо мной. Я вижу горящие глаза волка, чувствую зловонный запах из пасти. Острые жёлтые клыки вгрызаются в моё тело, рвут его, разбрызгивая кровь, разбрасывая ошмётки плоти, кроша кости...

Из посмертного эпикриза: «...синдром внезапной смерти во сне».

Олег Хасанов

МЯСНОЙ КОРОЛЬ

Такое мероприятие Бен Пламмер проводил впервые. Гигантский гараж из-за толп почётных гостей и репортёров казался маленьким.

Сэм и Тея вынули тубики с суперклеем, намазали им ладони и прижали их к капоту первого попавшегося автомобиля. Да здесь любое авто стоило десятки миллионов долларов!

— Друзья, экскурсия закончилась, — воскликнул Пламмер. — Приглашаю всех к столу!

Выкрики Сэма и Теи про насилие над животными потонули в аплодисментах. Все поспешили к выходу. Свет выключили.

На третий день Тея всё-таки согласилась поесть. Отшвырнув банку с надписью «Plummer Meat» в угол клетки, она спросила:

— Где Сэм?!

Пламмер поморщился, посмотрев на царапины на капоте «Астона Мартина»:

— Уже в тебе.

Джеффри Александер Мартин

ТИШЕ ЕДЕШЬ — ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ

— Нет, брат, Зайца в гонке тебе не обойти! — крикнула Белка.

— Посмотрим, — сказала Черепаха. — Тише едешь — дальше будешь. — Посмотрев на Филина, она добавила: — Кто поможет нам решить этот вопрос?

— Ну, — задумчиво произнёс Филин, — у Лиса перед нами есть кое-какой должок. Пора бы его вернуть.

Черепаха холодно кивнула:

— Сделай ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

В день гонки Заяц быстро рванул вперёд. Черепаха шла не спеша. У финиша их ждал Лис, которого назначили судьёй.

Первой к финишной черте подошла Черепаха. Белка и Филин поздравили её. Лис сидел в тени, лениво выковыривая зубочисткой застрявшее между зубов мясо.

Тише едешь — дальше будешь.

Хельга Соул

ПЕРФОРМАНС

Распахнув двери своей мастерской, Сима почувствовала затхлый запах пыли с тонким металлическим привкусом. Перформанс, который она здесь творила, станет прорывом в истории искусства. Сима знала это точно. Уверенным шагом подходя к рабочему столу и взяв в руки иголку с красной шелковой нитью, девушка прищурила один глаз и ловко отмерила нужную длину.

Вышивка вдохновляла Симу. Она спешно подошла к своему полотну и улыбнулась. Его звали Артём — беспризорный из соседнего квартала. Сима предложила ему ночлег и возможность возвыситься в жизни.

Она сдержала своё слово: Артём больше недели сидел на привязи, и с каждым стежком стук его сердца замедлялся, становясь произведением высокого искусства.

Элиас Отис

БУДУЩАЯ МАТЬ

Я отдыхала на траве, чуть влажной после дождя, но уже высыхающей под лучами полуденного солнца. Почувствовав голод, я неторопливо огляделась по сторонам. Вот и обед! Дотянувшись до него, я приступила к трапезе, чувствуя, как тепло разливается по всему телу. Весьма кстати: скоро, девочки, в нашей семье прибавление, и мне понадобятся силы! Так что, пожалуй, мне следует кушать больше и чаще.

К счастью, теперь я надолго обеспечена пищей: пожалуй, мне не следует беспокоиться о ней ещё неделю.

А потом у меня родятся дети. Тысячи деток. Таких же восьминогих, как я.

Я умру раньше, чем моя жертва почувствует первые признаки энцефалитной лихорадки.

Андрей Лоскутов

МЁРТВЫЙ КОРАБЛЬ

Капитан Мюррей проснулся в добром здравии и поскорее забрался на палубу. Глянув в подзорную трубу, опытный моряк отметил, что на небе ни облачка. Солнце светит, ветер дует в паруса.

— Вот так красота, какой благоприятный день для охоты на пиратов! — радостно кричит Мюррей, восхищённо разглядывая столпившихся вокруг моряков.

Никак не может он осознать, что при первом же столкновении с пиратами команда попала в засаду. Его brave морские волки убиты. Их тела разлагаются в морской пучине, на дне самого глубокого моря.

А дух его, бессмертный, по сей день так и бродит по палубе, раз за разом с улыбкой проживая свой последний день.

Маня Харисх

ПРОСМОТР ТРУ-КРАЙМА

Надеваю пеньюар, иду завтракать. Включаю тру-крайм. «Девушке перерезали горло ножницами», — кричат красные буквы на чёрном.

Мать погибшей рассказывает о дочке — как та любила тру-крайм, как кормила котят в подъезде... Камера берёт крупный план. Морщины. Живые слёзы.

Пью каркаде, и сейчас оно кажется особенно вкусным! Не думаю ни о гадюках с работы, ни о маме с её вечными «сходи-принеси». Радуюсь, что жертва умерла. Не поймите неправильно — никому плохого не желаю. Просто она уже мертва. Тру-крайм с убийствами — самый интересный.

Одеваюсь, выхожу, начинаю спускаться. За спиной щёлкают ножницы.

— Ты ведь... м-меня не убьёшь? — выдавливаю из себя.

— А по-твоему, что принесёт миллион просмотров?

Роман Башаев

НИКОМУ

Модель на экране закончила танец для очередного зрительного зрителя и послала воздушный поцелуй. Марк сделал глубокий вдох. Напечатал дрожащими пальцами в чат: «Выполнишь мою просьбу?»

— Забавный ты, Маркуша, — улыбнулась девушка в кадре, одеваясь. — Зря я тебе адрес сказала.

«Я заплатил!»

— Ну не люблю я шоколад! За подарок спасибо, конечно...

Булькнуло сообщение. Модель взяла телефон. Её глаза округлились:

— Марк! Чокнутый! Реально столько перевёл?! Ладно, раз тебя такое заводит...

Вебкамщица достала коробку сердечком. Развязала алый бант, сняла крышку. Вздохнула и сексуально откусила конфету...

Скоро тело в кадре перестало дёргаться.

Любил!

Терпел.

Устал...

Как там у классика? «Так не доставайся ж ты никому!»

Глеб Габбазов

МАНЁВР

— Огонь! — взревел Стеррингтон, с ужасом наблюдая за разгоревшимся сражением.

Два корабля, полностью покрытые тиной, ракушками и морскими тварями, не давали команде Стеррингтона ни малейшего шанса победить и тем более выжить.

— Капитан, командуйте! — бросил помощник Стеррингтона.

На палубу вступили пираты — не обычные, нет, — изуродованные морской стихией. Давно утонувшие мертвецы.

Лица Стеррингтона коснулась слабая улыбка. Он взглянул на своего помощника, схватил саблю и пронзил ему живот.

Пальцы на руках срослись, превратившись в однообразное щупальце, нос отвалился, а тело покрылось язвами и тинной. Больше шкура этого Стеррингтона ему была не нужна. Манёвр был выполнен, корабль захвачен.

На горизонте уже мелькала следующая жертва мертвеца.

Лена Шудер

КРАМПУС

Конрад жался в подушку, старательно изображая сон. Сегодня канун Рождества!

Он не был хорошим мальчиком. Но грезил ощутить морозное присутствие Санта Клауса.

Часы пробили полночь. Гирлянда вспыхнула ярким светом, отбросив на стену размытую тень. Что-то огромное вырастало позади, сворачивая мечты в тугой узел страха. Сердце пропустило удар, прежде чем губы робко прошептали:

— Крампус!

Мощь копыт кувалдой отбивала по сердцу приближение наказания. В носу защекотало тревогой, а после прошибло вонючей шерстью. Конрад сильно зажмурился. Что-то влажное коснулось щеки. От неожиданности он обернулся. На плечах лохматого чудища лязгнули цепи, а лапищи протянули розги. Втянув страх малыша, Крампус оскалился:

— Кто был плохим мальчиком?

Григорий Родственников

ФУТБОЛ

Признаться, я всегда недолюбливал детей. С молодости бесили меня их слёзы и сопли. Но скажу по чести, дети раньше были другими. Не то, что эти отморозки. Ничего не боятся. Пришли толпой на кладбище и затеяли в футбол гонять. Я им кричу: «Прекратите! Здесь нельзя шуметь!»

Куда там. Не слушают.

Решил их наказать. Отобрать мяч, а самым непослушным уши надрать. Пытаюсь догнать, а ничего не получается.

— Поймай нас, вонючка! — обзываются.

Я и раньше не слишком шустрый был, а сейчас и подавно. Оступился и в могилу упал. Да и обзор сильно ограничен. Они же моей головой в футбол играют.

Был бы живой...

Иван Лиштван

ХЛЮП

Мужчина вбежал из тьмы под свет фонаря на площади. Сердце колотилось, ком в горле не позволял дышать.

Страх.

Во тьме были слышны хлюпанья. Они двигались по кругу границы света.

Хлюпанья прекратились, а фонарь зашатался. По нему начала стекать мерзкая на вид, гниlostная и вязкая жижа.

Света становилось всё меньше и меньше с каждой секундой, пока наконец свеча в фонаре не потухла полностью.

Мужчина вскрикнул и побежал во тьму.

Фонарь во тьме вновь зашатался.

Хлюп.

Хлюп.

Хлюп.

Хлюпающие звуки перемешивались во тьме с шагами мужчины.

Вскрик.

Утром за углом дома был найден мужчина без глаз, весь в отвратительной, гниlostной, вязкой жиже.

Alicija Kotti

АРХАИЧЕСКАЯ УЛЫБКА

Тебя подняли из Эгейского моря. Ты — статуя, которую нельзя видеть смертным. В глазах — пустота, а на губах застыла архаическая улыбка — вечная, лишённая эмоций, но наполненная древней силой.

Первым статую узнал капитан, крикнув: «Сбросьте её!» Но было поздно. Он взглянул на тебя, и улыбка ожила. Моряк не мог отвести взгляд, и вдруг истерично засмеялся, сотрясаясь от судорог. Схватив кинжал, он ударил матроса. Тёплая кровь хлынула на палубу, окропив тебя алыми брызгами. Каждый, взглянувший на статую, терял рассудок. Экипаж охватила паника. Улыбаясь, ты наблюдал.

Ты — Арес, бог войны, заключённый в мраморном теле. Кровь пробудила тебя, и людям теперь суждено погрузиться в безумие.

Олег Хасанов

ДЖАЛЛО

Зеркальный потолок. Свечи на столе. Розовое шампанское в ведёрке со льдом. Букет свежих тюльпанов. Недопитые бокалы. Кружевное бельё, поспешно брошенное на пол. Он. Она. Пальцы их рук переплелись. Страстные объятия и ласки на влажной простыне. Сладкий вкус шоколада на её губах. Лёгкий бриз, дующий с залива. Запах духов. Нежные стоны. Еле слышный джаз.

Я бесшумно вхожу в номер отеля и достаю нож из кожаного плаща. В мягком свете свечей блестит острое лезвие.

С минуту наблюдаю, как в такт их ритмичным движениям колышется одеяло, словно море.

Я крепче сжимаю рукоять ножа и медленно иду к кровати. А теперь пора менять жанр.

Григорий Родственников

БАБУШКИНО МОЛОКО

Свету мучила бессонница. Засыпала лишь под утро и всегда видела один и тот же сон: умершая бабушка протягивает чашку молока.

Света пила молоко, а сны становились всё реальнее: могила, покосившийся крест, призрачная фигура в чёрном...

Однажды она пролила молоко на фото бабушки. Пятно впиталось, оставив жёлтый след. Вечером Свете показалось, что белая жидкость в чашке колыхнется, словно дышит.

Ночью её разбудил звук, похожий на глоток. В темноте сидела тень с лицом бабушки.

— Спасибо, внучка, что напоила, — просипел знакомый голос. — Но пить одной скучно... Напои меня.

Изо рта Светы потекла струйка тёплого молока. Тень жадно припала к источнику, становясь плотнее, объёмнее...

Лариса Потолицына

ПЛАСТИКА

Всем хороша моя Маринка. И на кухне, и в постели, и в обществе — богиня. Умная. Как свободная минутка выпадает — Маринка за книжку хватается. И профессия у неё востребованная, денежная. Пластический хирург. Словом, не женщина — мечта.

Только одна деталь её портит — нос. Большой, горбатый. Как плавник акулий торчит. Девкам Маринка такие носы делает — закачаешься. А сама... Сапожник без сапог. Я ей сказал однажды: не будет проблемы с носом — женюсь.

Маринка у меня дама решительная. Тянуть кота за хвост не стала. Теперь, как только швы снимут, сразу в ЗАГС. И не увижу я больше её здоровенный рубильник.

Глаз-то у меня теперь нет.

Дмитрий Передонов

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Бен Трогмортон, боцман пиратской шхуны «Каракатица», украл у шкипера Ханта ценный трофей — розовую жемчужину. Разбойники собрали сходку.

— Какого наказания заслужил Трогмортон? — спросил капитан.

— Смерти! — отозвалась команда.

Бена привязали к бизань-мачте, и Хант ударом сабли перерубил его пополам.

— Я вернусь! — орал Бен, пока его несли топить в океане.

Ночью Хант проснулся от топота и криков на палубе. Схватив саблю, он поспешил наверх.

Перепуганные пираты разбежались от ползающего по палубе человеческого обрубка. Тот лязгал зубами, норовил укусить.

— Руки, руки ему руби! — крикнули Ханту.

Шкипер взмахнул саблей, но обрубок вцепился ртом ему в ногу. Хант захрипел, глаза сделались безумными.

За борт выбросили обоих.

Роман Дремичев

ГРИБЫ

— Эй, старик! Зачем связал? Отпусти! — прохрипел Семён.

— Нет, внучок, прости, но не могу. Времена нынче тяжёлые, голодные, а есть надо — и каждый день.

— Ты что — людоед?

— Нет, зачем ты так! Я грибы люблю. Недавно новый вид обнаружил, такие вкусные... Но тебе не понять. Хотя... Нет, ты припасён для другого.

— Для чего это?

— Скоро поймёшь.

Старик открыл крышку подпола, подтащил к провалу Семёна. Парень заглянул вниз. В квадрате света виднелась чёрная маслянистая жижа, а на ней — целые колонии серых с прожилками грибов, похожих на опята.

— Ты здесь грибы выращиваешь?

— Ну, почти, — усмехнулся старик и скинул Семёна вниз.

— Каждому нужно что-то есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.